

# Первая русская революция

## Черная сотня, драгуны, солдаты-усмирители в романе Андрея Упита «Северный ветер» (Из цикла «Робежниеки»)

---

Борис Инфантьев

*Стр. 511. Появляются драгуны.*

Драгуны бегают по пустой платформе, будто кто-то кого-то ловит или разыскивает. Только что возвратившийся жандарм, позвякивая шпорами, расхаживает вдоль станционного здания и с высокомерной усмешкой заглядывает в окна, где телеграфист молча сидит у своего аппарата. Драгунский офицер в повелительной позе сидит за столом и допрашивает начальника станции.

*Стр. 512.*

Двое драгун с шашками наголо ведут помощника начальника станции. У солдат такой вид, точно они готовы в любой момент ударить, если конвоируемый хоть немного отклонится от своего пути.

В кирпичном доме за станцией маленькая лавчонка. В нее вламываются пятеро пьяных солдат. Лавчонница на минуту вышла. Полки допона набиты товаром. Один из солдат перепрыгивает через прилавок и начинает набивать карманы пачками папирос. Другой, перевесившись, загребает из раскрытого ящика изюм, третий грохает прикладом винтовки об пол и зовет хозяйку. Остальные двое держат винтовки наготове и красными, злыми глазами смотрят вокруг.

В заднюю дверь входит коренастая женщина с ребенком на руках. Увидев, что происходит, начинает отчаянно кричать и бросается защищать свое имущество. Удар прикладом в грудь отшвыривает ее обратно к дверям. Защищаясь, она прикрывает свободной рукой лицо.

Надрывается ребенок.

— Сдать оружие! Выдать бунтовщиков! — кричат солдаты. И роются в лавочке. Выдвигают ящик с кассой, открывают коробки, сбрасывают все с полок, запертые взламывают, бросают дальше в жилое помещение, сбрасывают все с полок. Вопила женщина, надрываясь ребенок.

Офицер стоит на платформе посреди своих драгун и отдает приказания. В руке у него лист бумаги с какими-то списками.

*Стр. 516.*

— Латышские учителя делятся на две категории, — философствует офицер, прикуривая новую папиросу от только что выкуренной, — революционеры и дураки. Дураки и революционеры.

*Стр. 517.*

А офицер смотрит, выкатив грудь, издевательски презрительно улыбаясь. Смотрит, — но искусственная, издевательская усмешка

невольно исчезает, и руки начинают нервно шарить вниз и вверх начинают двигаться быстрее. Но вдруг они сжимаются в кулаки. На щеках выступают красные пятна.

— Что? Что скажешь?

— Убийцы! — повторяет девушка.

Забыв все свое достоинство, офицер с поднятыми кулаками бросается на девушку. Стучит ногами так, что шпоры нелепо бренчат.

— Молчать! Молчать! Разбойничья шлюха! Сука проклятая! По морде ее! Бейте!

*Стр. 521. Драгуны избивают старого Робекниэка (отца революционера и либерала которому сочувствует писатель, автор романа).*

— Ну-ка вставай, отец ты мой милый. Батюшка ты мой родной...

— И вдруг он рычит искаженным от зверской злобы голосом: Вставай, скотина!

И начинает хлестать ногой. Сначала медленно, считая даже удары, а потом все быстрее и быстрее. Утомляется и горячится и с каждым ударом становится все злее и неукротимее. Там, где тело прикрыто полусубком, плетенка там же прилипает. Поэтому он целится больше в ноги и бедра, и в откиннутые руки.

*Диалог Павла Сергеевича и барона Вольфа*

— Что с вами, Павел Сергеевич? С иронией отзывается барончик на призыв все же перестать грызть ногти — У вас похмелье началось до того, как вы выпили.

— Оставьте ваши шуточки при себе, герр барон Вольф. По-видимому, вам кажется, что я со своими драгунами нахожусь тут только для того, чтобы доставлять вам развлечения.

— Еще бы, Павел Сергеевич, — смеется барончик. Развлечения нам нужны. Для этого у нас самое подходящее время. Еще бы.

— Вы желаете мстить. А это, разрешите вам заметить, не рыцарское чувство. Я впервые здесь. Впервые вижу ваших крестьян. И меня, пришедшего сюда впервые, они встречают пулями. Конечно, за это я не могу им быть благодарен.

И мои драгуны озлоблены до бешенства. Но сколько бы я сегодня не сталкивался с вашими крестьянами, в конечном счете, они мне не показались такими варварами, как вы их рисуете. И если они сейчас действительно сделались варварами, то на это должна быть какая-то особая причина. И, возможно, этой причиной являетесь именно вы.

— Но тогда скажите мне, откуда же эта звериная, невероятная ненависть к вам? Не-

ужели только из-за воспоминаний о старых крепостных временах? Тогда это был бы действительно странный народ, который не забывает зла в течение многих столетий. Он был бы единственным исключением среди народов. Вот, например, как в свое время поступили с нами русскими татары? А где вы найдете хоть одного русского, который видел бы в татарине прежнего угнетателя?

— Мы находимся здесь сравнительно недавно. Вы же, напротив, неограниченно хозяйничали сотни лет. Как же могло в такой короткий срок рухнуть все то, что вы тут насоздавали, — вся та культура, о которой вы говорите? Не ошиблись ли вы? Пристало ли к этому народу хоть что-нибудь от вашей культуры? А может быть следовало обрабатывать этих, как вы выразились, полудикарей, другими средствами?

— Мне кажется, вы просчитались, герр барон Вольф. Мы присланы сюда для восстановления порядка и водворения спокойствия. И это мы сделаем. Мы тоже помещики и монархисты, не хуже чем вы, герр барон Вольф. Виновные должны получить свое. Но если думаете, что мы должны мстить за вас, то вы ошибаетесь. Мы не палачи, ваши подручники. Мы не собираемся силой навязывать этим крестьянам вашу так называемую культуру, которую они сами сбросили со своих плеч. Мы здесь защищаем и охраняем идею русского государства, а не интересы местных помещиков.

Оставьте свои поручения при себе, герр барон Вольф. Я сам помещик, но должен признаться, что помещики Прибалтики очень далеки от меня. Я тоже нервный и легко возбуждающийся человек. Я солдат и присягал защищать высшую государственную власть от каких бы то ни было враждебных попыток. Но мне чужда ваша жажда мести и крови. Вы хотите насильно превратить нас в своих покорных слуг, привести свои, чуждые нам устремления. Вы насильно заставляете нас быть жестокими и употреблять власть, находящуюся в наших руках. Давно ли я пересек границу России, но мне уже противно.

Мне стыдно за себя. Я начинаю забывать, становлюсь неуместно жестоким и, может быть, даже несправедливым. Какие, например, доказательства имеются у нас против той девицы? Или против отца и матери того революционера? Где это видано, чтобы за грехи какого-нибудь человека мстили его невесте и родителям?

*Стр. 609. Православный священник у ротмистра фон Гаммера.*

— Не моя задача контролировать вашу деятельность или жаловаться. Я обращаюсь к вам исключительно как к человеку. Вы ведь не только чиновник. И вам приходится иметь дело с живыми людьми. Человек должен понимать другого человека. Законы не писаны лишь для механического исполнения. Исполнители закона существуют лишь для того, чтобы виновные не воспринимали власть как насилие. Но то, что здесь сейчас происходит... Я не верю, чтобы так можно было умиротворить или успокоить, исправить людей. Весь народ вы все равно не расстреляете и не заточите в тюрьмы. И те, кто останется, затаят злобу и жажду мести на вечные времена. Помещики никогда не смогут чувствовать себя тут в безопасности.

Другими словами, вы можете сказать, что я симпатизирую социалистам, поджигателям, грабителям. Такое обвинение меня ничуть не задевает, потому что оно не имеет под собой ни малейшего основания. Впрочем, социалисты, поджигатели и грабители, по-моему, тоже люди и тоже имеют право на существование, справедливое расследование и человеческий суд. Наш Спаситель, распятый на кресте, простил убийцу. Не знаю, кто нам дал право быть умнее Его. Ну, понятно, я не хочу сказать, что нам надо возвращаться к его методу. Для этого мы слишком культурны. Но я хотел бы просить вас, хотя бы только отделить виновных от невиновных и к так называемым виновным не применять средневековые средства...

Когда я шел сюда, в подвал волокли полуслепого старика лет семидесяти. Я слышал, что он — отец сбежавшего из тюрьмы руководителя комитета социалистов. Из Писания нам известно, что грехи отцов взыскиваются на детях. Но я впервые вижу, что за грехи взрослых сыновей караются их семидесятилетние отцы. А по дороге меня обогнали дровни. На них был один... Я не мог бы узнать его, даже если бы он был моего прихода. У него уже не было человеческого лица. Его покарали раньше, чем расследовали его вину. И вынесли приговор.

Плохую услугу вы оказываете тем, защитником чьих интересов себя считаете. Будь это местные помещики или русское государство — все равно. О латышах писал некто, хорошо знакомый с их историей... Его звали Меркелем. Но все равно. Это, кажется, тоже не относится к делу. Только одно еще я хочу ска-

зать сейчас вам. История не стоит на месте, и пути ее неисповедимы. Всем нам следовало бы жить и действовать так, чтобы детям нашим не пришлось отвечать за наши дела. Это вечная, страшная ответственность, которая проходит через все годы... Будьте здоровы, господин фон Гаммер.

*Стр. 620. Драгуны пируют.*

В передней комнате на столе стоит одна пустая бутылка и две выпитые до половины. Большая миска с маслом, другая, поменьше, с остатками мяса. Разбросаны кости, хлебные корки, ножи. На полу грязные следы, в комнате беспорядок. Вокруг стола сидят четыре солдата и угощают друг друга. Из задней комнаты грузный и багровый выходит огромный Осипов, за ним Зетиня.

— Выпей, хозяин! — Ближайший сосед фамильярно хлопает его по спине. — Бунтовщикам и грабителям пулю под ребро, а с порядочным человеком завсегда выпить можно. Разве не правда, ребята?

Ребята громко подтверждают его слова.

*Стр. 650. Раздумья и страдания Павла Николаевича.*

Павел Николаевич лежит на кушетке в маленькой комнатке. Пытался читать, пытался заснуть — не удалось. Дальше — орут драгуны. Весь этот хаос шумов отдается в его мозгу и не дает покоя. Он чувствует себя точно в дьявольской кухне, где от горьких испарений кружится голова и становится дурно.

Павлу Николаевичу что-то приходит в голову. Он раскрывает окна шире и вылезает наружу.

— Что это за народ? — думает Павел Иванович. И как всегда рядом с этой живой картиной возникают другие, виденные сегодня и вчера, — за все это время кровавого угара. Беснующиеся, может быть для того, чтобы забыть об ужасах, которые здесь гнетут всех.

— Прочь, писаришка. Прочь, скотина! Все зубы в глотку загоно!

— Стыдитесь, — кричит на девчонку Павел Иванович. — Та, как молодая, и путается с пьяными солдатами.

Павел Иванович сам с большим трудом удерживается от того, чтобы ее не ударить.

— Вниз по матушке по Волге! — слышит он за спиной.

*Стр. 652.*

В комнате Павел Иванович бросается ничком на кушетку. Обеими руками хватается за

волосы. Голова у него разламывается на части. Он сам не знает, что с ним творится. Началось ли это сегодня вечером или накапливалось еще раньше, — день за днем... Но он уже не может освободиться от кровавого бреда, который давит его как тяжелый кошмар.

Со стоном, словно от физической боли, он приподнимается и садится на кушетку. Голова опущена. Руки бессильно повисли.

— Пулю ему, мерзавцу, всажу в лоб! — бушует в соседней комнате барончик.

А ему все равно, что ему барончик?!

Кто-то стучится в дверь. Верно, ротмистр.

— Вы тут, Павел Иванович? Вы не спите?

Что ему ротмистр? Что ему теперь весь свет?

Он садится за стол и пишет короткое письмо сестре. Подумав, пишет другое своему лучшему другу в Петербург. Десять сухих, лаконичных строк.

Затем потянувшись, тут же за столом вынимает из скрипящей кожаной кобуры револьвер. В соседней комнате пьют и громко, не слушая друг друга, разговаривают. Дальше орут драгуны. Через двор из танцевального зала доносятся завывания гармошки, и сплошной волной катится женский визг и выкрики перепившихся солдат. С грохотом захлопываются наружные двери. Выстрела в это мгновение никто не слышал.

*Стр. 672.*

Матросы везут расстреливать революционеров.

— Глупый народ, латыши. Сколько вас тут — горстка, а лезете против всей России, — закинув винтовку за плечи, матрос лениво шагает за дровнями и с сожалением оглядывает пленных.

— Да! — задумчиво рассуждает один из матросов. — Значит, и тут то же самое, что и в России. Народам надоело гнуть спину под ярмом, и они пробуют поднять голову.

Матрос свободной рукой почесывает в затылке.

— Свинство... Черт его знает, что это за работа — таскаться тут черт знает по каким болотам и хватать людей, которые не сделали нам ничего плохого. Тьфу!

— Эх, друг, разве ж мы сами не испытали это на своих спинах?

Матросы, видимо, тоже думают об этом. Не отвечают ничего. Глядят на старшего. Он тоже молчит, потом отрицательно качает головой.

— Не говори глупостей. Как я могу тебя отпустить, если у нас строгий приказ? Нас тут пятеро — разве я могу ручаться за всех? Разболтают. А кому отвечать? Мне что, вместо тебя совать голову в петлю? Нет уж. Не сумел спрятаться сам, и терпи. Да ты не бойся. Наш начальник, князь Туманов, хороший человек. Тут был такой молодой барончик... Князь в первый же день прогнал его из имения. Ты, говорит, меня не учи. Я сам знаю свою задачу. И кухня в имении — ух, проклятая! Там форменная бойня была. Приказал заколотить гвоздями. Теперь уж никого не порют. Из подвалов отпустили в первый день семнадцать человек, во второй — десять, и потом каждый день по пять-шесть человек. Теперь там осталось не больше десяти... Ты не бойся. Тебя законный суд судить будет.

— Нет! Нет! — матрос трясет головой и вместе с другими уходит немного вперед, чтобы прекратить напрасные речи о невозможном.

*Стр. 674.*

У князя Туманова нет ни той ловкости, ни строгости, что у фон Гаммера. Князь не может добиться никакой ясности. Прямых доказательств нет. Глядя на его убогое хозяйство и внимательно присматриваясь ко всем его домочадцам, опять останавливался, оставлял свое намерение. Он, несколько глубже заглянул в историю развития здешних беспорядков и в их причины, теперь уже не может быть беспощадно суровым и безжалостным.

Бесчеловечно было бы мучить того, кого сама судьба пыталась вырвать у смерти. Он безвреднее грудного младенца. Пусть уж дожидается своего часа...

Образ другого русского человека — карателя пресловутой Черной Сотни, казака, жандарма под командованием не менее знаменитого генерала Орлова.

Правда, латышские литераторы всегда отмечают, что и казаки, и жандармы, и даже генерал Орлов были всего-навсего послушны